

Поэтические подтексты рассказа И.А. Бунина «Поздний час»

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии СО РАН, Россия
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Канд. фил. наук, старший научный сотрудник
E-mail dzerv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассказу И.А. Бунина «Поздний час» («Темные аллеи, 1938) и выявляет его поэтические подтексты: русскую романтическую элегию («Заклинание» Пушкина), стихотворение «Лалла Рук», а также «Сказку о царе Берендее...» В.А. Жуковского.

Ключевые слова: мотив; подтекст; элегия; литературная сказка; В.А. Жуковский; А.С. Пушкин; И.А. Бунин.

Введение. Нам уже приходилось писать о том, что рассказ И.А. Бунина «Поздний час» (который послужил *материалом* данного исследования) имеет характерный для эмигрантской литературы сюжет: в Париже герой-повествователь вспоминает Россию, во сне или в мечтах возвращаясь к покинутым местам, в провинциальный город, который так похож на родной Бунину Елец. В противоположность названным в тексте Парижу и Сене, Елец не называется, хотя описываемые с необыкновенной точностью архитектурные и топографические приметы Ельца не позволяют ошибиться в определении прототипического локуса [1]. Церковь Михаила Архангела, гимназия, пожарная каланча – все это по сей день можно увидеть, проходя по Орловской улице Ельца, сворачивая ненадолго то влево, то вправо, а затем возвращаясь на Орловскую вновь. Именно такой путь проходит герой «Позднего часа», направляясь через весь город от собора к старому кладбищу. Любопытно, что предельно точному топографическому «подтексту» сопутствует в рассказе очень расплывчатый, формульный, «обобщенный» поэтический подтекст, который нам и хотелось бы выявить *методом* интертекстуального анализа, начав обзор рассказа с его кульминации – свидания героев в саду. Выявление поэтического подтекста позволяет по-новому увидеть образ города и весь сюжет рассказа. Кроме того, выявление лирических подтекстов обогащает уже высказанную и прекрасно обоснованную В.Н. Скобелевым мысль о лирической природе этого рассказа [2].

Обсуждение проблемы. Свидание в саду, как и вообще весь текст, решено Буниным в элегическом модусе, и именно элегические истоки [3] наиболее значимы для рассказа. Завершается сцена свидания у калитки: «И мы сидели, сидели в каком-то недоумении счастья. Одной рукой я обнимал тебя, слыша биение твоего сердца, в другой держал твою руку, чувствуя через нее всю тебя... А потом ты проводила меня до калитки, и я сказал:

– Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле» [4].

Нынешнее воображаемое посещение рассказчиком того города, в котором живет это воспоминание, – прообраз той «будущей» встречи, которая им с героиней еще предстоит; благоговением, преклонением перед бесценным даром любви продиктован этот рассказ.

Визуальные мотивы и связывают героев с пространством, которое немо, но не слепо, даже напротив – оно как бы перенимает от автора/рассказчика способность остро видеть, автор/рассказчик как бы несет на себе печать вселенского всевиденья [5]. Главный мотив здесь – глаза героини: «быстро подойдя, с радостным испугом встретил блеск твоих ждущих глаз» – момент встречи; «легкий сумрак и мерцание твоих глаз в сумраке» – прощание. Все, что происходит между встречами и прощанием, описано в двух планах, и второй план открывается во взгляде героя: вверху справа «безгрешно сияет над двором месяц и рыбьим блеском блестит крыша дома»; слева он видит «заросшую сухими травами дорожку, пропадавшую под другими яблонями, а за ними низко выглядывавшую из-за какого-то другого сада одинокую зеленую звезду, теплившуюся бесстрастно и вместе с тем выжидательно, что-то беззвучно говорившую». Герой как бы заимствует взгляд этой звезды, дарящей ему широчайшую панораму, соединяющую любовный восторг со всем, земным и небесным, миром вокруг. Затем тот же взгляд зеленой звезды от героя передается героине: настолько близко сходятся в тексте «выглядывающая» звезда и «мерцание твоих глаз».

Тема взгляда не только организует кульминационную часть «Позднего часа», она значима для всего рассказа и начинается с первых его строк. В «непроглядном небе» Парижа герой смотрит на свою родину и думает о ее истории и своей жизни: «все началось, протекло и завершилось на моих глазах, – так быстро и на моих глазах!». Финитный смысл этой фразы намекает на то, что и страна, о которой идет речь, и все ее обитатели в некотором смысле уже окончили свой земной путь. Между тем повествователю дана возможность откуда-то «оттуда», из-за предела земной жизни, увидеть свой город, «взглянуть на гимназию», на «все вокруг, насколько хватало глаз», «взглянуть и уйти уже

навсегда». Что касается героини, то в проекции на нее тема взгляда «подшитоывается» традиционной семантикой классической легкой и элегической поэзии. Рассказчик помнит «черные молодые глаза» возлюбленной, ее «ясный взгляд», о его любви и ней самой говорит «одинокая зеленая звезда». «Большеглазый Спас в ржавом окладе», невидимо глядящий на рассказчика с иконы в Скобяном ряду, и звезда замыкают цепь визуальных мотивов, благодаря которым герой и героиня соотносятся с пространством, небом, Творцом, безмерно расширяя границы своего «я».

Восход звезды играет роль завершающего аккорда как кульминации, так и финала, звездой уравниваются сад и кладбище – локусы двух бытийственно разделенных свиданий. Предутренняя одинокая звезда, как и город, не названа ни в первом, ни во втором случае, однако, как и город, ее можно безошибочно опознать – это Сириус, чье появление на ночном небосклоне отмечает самый поздний, предутренний час ночи. Одна и та же звезда соединяет героя и героиню через предел земной жизни, через время и пространство. Именно с дважды восходящей в рассказе звездой связаны и другие лейтмотивы текста: ночь «Позднего часа» освещена месяцем, он светит и в самом начале, где месячный свет ловят глазницы-иллюминаторы парохода, тот же месяц «сияет над двором» в саду. В свете месяца кружево мостовой в вечернем городе рисует образ героини в ее черном вечернем платье («Я шел – большой месяц тоже шел, катясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным крутом; широкие улицы лежали в тени»), и та же кружевная тень от листьев лежит под деревьями на кладбище: «Месяц стоял за деревьями уже низко, но все вокруг, насколько хватало глаз, было еще ясно видно. Все пространство этой рощи мертвых, крестов и памятников ее узорно пестрело в прозрачной тени» [6]. Месяц, как и Сириус, уравнивает разрозненные картины, события, времена и пространства рассказа. Связанные с ними многочисленные поэтические подтексты исследованы буниноведами уже довольно подробно [7].

Не повторяясь, укажем лишь на ту же самую звезду в «Жизни Арсеньева»: «где белеет, серебрится широко раскинутое созвездие Ориона, а ниже, в светлой пустоте небосклона, остро блещет, содрогается лазурными алмазами великолепный Сириус, любимая звезда матери» [8]. Этот отрывок указывает еще на одну линию схождения «Позднего часа» с романом, добавляя к коннотатам «женского» еще и компоненты материнского, семейного, родственного. Весь рассказ целиком, а не только его последняя, кладбищенская сцена, – уплотненный концентрат элегических тем, самым непосредственным образом связанных с рассказчиком, с его судьбой, семьей, с его близящейся к концу жизнью.

В описании кладбища можно обнаружить несколько сильных приемов, которые воспринимаются совместно и организуют такой финал, перед которым нивелируется и под который «подстраивается» все предыдущее содержание рассказа. Кроме Сириуса, внимание останавливает надгробный камень: «передо мной, на ровном месте, среди сухих трав, одиноко лежал удлинённый и довольно узкий камень, возглавием к стене». Слова «удлинённый», «узкий» синонимичны эпитетам траурного портрета героини, ее «длинному, стройному» платью, «тонкому стану» в той сцене, где она появляется в тенях ночного города. Благодаря сходству эпитетов, здесь, на кладбище, воспоминание становится еще более живым, героиня здесь отчетливо присутствует, почти оживает. Отметим, что неявное, «призрачное» присутствие «возлюбленной тени» – это одна из обычных элегических тем, как, например, в пушкинском «Заклинании»: «Приди, как дальная звезда, / Как легкой звук иль дуновение, / Иль как ужасное виденье, / Мне все равно, сюда! сюда!» [9].

Холодный месячный свет (еще более яркий от того, что Бунин использует редчайший эпитет, а не привычный «лунный свет» или генетивную конструкцию «свет месяца») гармонирует в рассказе с мотивами камня, немоты, скованности, тяжести, застытия. К последней фразе текста: «Из-за стены же дивным самоцетом глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но *немая, неподвижная*», – незаметно подводит целая серия словосочетаний с разнообразнейшей «ригидной» семантикой: «мост... даже не *каменный*, а какой-то *окаменевший*», «золотыми *столбами*: пароход точно на них *стоял*», «улицы *лежали* в тени», «все *осталось* таким, как *полвека назад*; *каменная ограда*, *каменный двор*, *большое каменное здание* во дворе». Тень немоты и неподвижности лежит как на городе с его каменной мостовой, так и на герое, который, бродя по ночным улицам, то и дело останавливается, встречаясь с видениями собственной памяти. На кладбище его сердце едва не останавливается, герой оказывается возле могильного камня. Камень лежит возглавием к звезде так, словно и лежащая под ним тоже повернута к звезде. И в кладбищенской сцене, и во время свидания в саду широкая пейзажная горизонталь уравнивается низкой вертикалью: герой и его возлюбленная тогда и теперь смотрели и смотрят на ту же звезду, но в то же время как бы оттуда, вместе с ней глядят на мир, заполняя собой все лирическое пространство.

Для поэтики Бунина характерно еще одно: максимально точные описания, соотносимые с узнаваемыми реалиями (например, теми, какими едва ли не документально запечатлен Елец), благодаря поэтическим подтекстам приобретают черты обобщенного, формульно-романтического содержания. И здесь невозможно пройти мимо «Лалла Рук» В.А. Жуковского, стихотворения, в котором из-за вполне явленного герою облика молодой женщины встает ангелоподобный «призрак» – «гений чистой красоты», «обитающий» не с нами, не в нашем мире, но вдохновением

«животворящий» земной мир: «А когда нас покидает, / В дар любви, у нас в виду / В нашем небе зажигает / Он прощальную звезду» [10].

Все это очень похоже на сюжет «Позднего часа», восточные мотивы «Лалла Рук» от Жуковского как бы перетекают в «восточный миф» Бунина – миф об элегическом, женственном, призрачном возрождении России.

Второй довольно явственный подтекст из Жуковского – «Сказка о царе Берендее...», где Иван-царевич и Марья-царевна, убегая от Кощея, обращаются то речкой с мостиком, то дремучим лесом, то церковью с монахом. Топографические метаморфозы «Сказки...» напоминают ландшафт «Позднего часа» с его мостами, садами, кладбищенской рощей и церквями, а также повороты излюбленных бунинских сюжетов, среди которых есть и погони («Баллада», «Волки»), и сказочный автоперсонаж «Иван» с реальным именем Бунина («Иоанн Рыдалец»). Заключительная часть сказки Жуковского повторена во всем сюжете «Позднего часа»: Иван-царевич из «Сказки...» видит перед собой неизвестно откуда взявшийся чудесный город: «уж склонялось / Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними / Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось / В этот город заехать». Риска не вернуться обратно из этого волшебного места («Заехать нетрудно, да трудно / Выехать будет») и предать забвению все, что лежит за его пределами, Иван-царевич все-таки входит в «город прекрасный», а Марья-царевна, обернувшись «белым камнем», ждет его возвращения. Так и героя «Позднего часа» белым камнем у дороги ждет его возлюбленная: ей обещана встреча «в будущей жизни».

Результаты и заключение. Мы выявили ряд элегических подтекстов рассказа Бунина «Поздний час», эти подтексты существенно увеличивают семантический потенциал образа города, нарисованного в рассказе. Так, многослойный подтекст из Жуковского проявляет некоторые новые черты и в географии «Позднего часа», ведь с родными для Бунина местами, пусть и не напрямую, но связана биография Жуковского: его отец, помещик А.И. Бунин, владел имением Мишенское (где и родился Жуковский) в Тульской и землями в Орловской губернии, к которой в XIX в. относился Елец. В «Позднем часе» с удивительной точностью изображен реальный, донныне сохраняющий свой прежний облик Елец, но одновременно это сказочно-литературное и будто бы заколдованное место, в котором хранится самая драгоценная часть души и героя рассказа, и его автора.

Примечания:

1. Е.В. Капинос «Вариация на темы романа: «Поздний час» vs «Жизнь Арсеньева» (в печати).
2. Скобелев В.Н. К столкновению эпического и лирического в сюжетно-композиционной системе бунинской новеллы эмигрантского периода («Поздний час») // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Междунар. сб. науч. ст. М.: Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2003. Вып. 1. С. 31-39.
3. Бетина О.Г. Художественный феномен «русской готики» в рассказах И.А. Бунина «Баллада» и «Дубки» // Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Междун. сб. науч. ст. М.: Московская академия образования Натальи Нестеровой, 2008. Вып. 2. С. 104-107.
4. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит. 1966. Т. 7. С. 40-41.
5. «Всевиденье», детальность, скульптурность и пластичность образов – характерное качество прозы Бунина, о которой, к примеру, В. Вейдле пишет: «Все исполнено, все сотворено. Точно из первозданной глины вылеплены навек и толстая спина офицера «во всей его воинской сбруе», и «непорочно-праздничное платье» Лики на балу, и ее «озябшие, ставшие отрочески сиреневыми руки», и пугающий бедного Костеньку старухин мопс, «раскормленный до жирных складок на загривке» (Вейдле В. На смерть Бунина // Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е гг.): Антология. М.: Книжница. Рус. путь, 2010. С. 485).
6. Бунин И.А. Указ. соч. С. 38.
7. О звездах в рассказе «Поздней ночью» со ссылкой на А. Смирнова-Треплева (Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Критические этюды. Воспоминания. Письма. Самара. 2006. С. 338) пишет Т.В. Марченко (Марченко Т.В. Парижский текст Ивана Бунина: прелюдия в лунном свете // в печати; см. также: Бердникова О.А. «Только поле да небо...»: Пространственная парадигма поэзии И.А. Бунина // «Воронежский текст» русской культуры. Воронеж: Наука – ЮНИПРЕСС, 2011. С. 126-132; Тер-Абрамянц А.П. Созвездия Ивана Бунина (Образы звездного неба в творчестве Бунина) // И.А. Бунин и русская литература XX века. М., 1995. С. 132-144).
8. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит. 1966. Т. 6. С. 100-101.
9. Пушкин А.С. Сочинения. Л.: Худ. лит. 1936. С. 419.
10. Жуковский В.А. Сочинения. М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. С. 92.
11. Жуковский В.А. Сочинения. М.: Гос. изд. худ. лит., 1954. С. 199.

UDC 821.161.1

Poetic Subtexts of I.A. Bunin's Story 'Late Hour'

Elena V. Kapinos

Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
8 Nikolayeva Str., Novosibirsk 630090
PhD (Philology), Senior Researcher
E-mail dzerv@mail.ru

Abstract. The article deals with I.A. Bunin's Story 'Late Hour' ('Dark Alleys', 1938) and detects its poetic subtexts: Russian romantic elegy (Pushkin's 'Incantation'), poem by V.A. Zhukovsky 'Lalla Ruk' and 'The Tale of Tsar Berendey'.

Keywords: motif; subtext; elegy; literary tale; V.A. Zhukovsky; A.S. Pushkin; I.A. Bunin.